

Олег Пет

Мальчик,

который

ждал маму

Олег Пет

Мальчик , который ждал маму

«Автор»

2026

Пет О.

Мальчик , который ждал маму / О. Пет — «Автор», 2026

Все мы родом из детства. Но не все возвращаются туда, чтобы помочь себе. Эта повесть-сказка — о вечере, когда мама не пришла. О мальчике семи лет, который сидел на подоконнике и ждал. О добром волшебнике, который появился, чтобы рассказать ему сказку. В этой сказке мальчик — рыцарь. Он сражается с драконом, который сжигает деревни. Он побеждает злого мага, который заманивает в болото. Он проходит мимо ведьмы, которая притворяется спящей красавицей. Он разгадывает загадки деревьев на перепутье. Он находит принцессу. А потом волшебник снимает маску....

© Пет О., 2026

© Автор, 2026

Олег Пет

Мальчик , который ждал маму

«Мы все ждём. Кто-то — маму. Кто-то любовь. Кто-то — себя. И никто не знает, что ждёт его самого. Пока не перестанет ждать».

Мальчик, который ждал маму. Олег Пет

Пролог

Эта история начинается не с начала.

У неё нет начала. Как нет начала у дождя. Как нет начала у ожидания. Как нет начала у всего, что мы носим в себе с детства и не помним, откуда взяли.

Она начинается с одного вечера.

С одного мальчика. Семи лет. Который сидел на подоконнике и смотрел на дверь. За окном шёл дождь. На стене висели часы. Маятник ходил. Влево и вправо. Влево и вправо. Мама ушла утром. Она сказала: «Я скоро вернусь». Мальчик ждал.

Он ждал не потому, что был глупый. Он ждал потому, что был живой. Ждать — это первое, чему учится человек. Ещё до того, как научиться ходить. Ещё до того, как научиться говорить. Он лежит в колыбели и ждёт, что кто-то придёт. И кто-то приходит. Или не приходит. И это «или» остаётся с ним навсегда.

Потом мальчик вырастает. Он забывает подоконник. Забывает часы. Забывает, как пахло мамино пальто. Шерстью и дождем. Он думает, что стал взрослым. Он думает, что прошёл всё. Дракона. Мага. Ведьму. Деревья. Он думает, что пришёл к принцессе. Он думает, что победил.

Но иногда, поздно вечером, когда никто не смотрит, он садится на подоконник. И ждёт. Он сам не знает чего. Он сам не знает кого. Он просто сидит. И смотрит на дверь. И слушает шаги на лестнице. И где-то внутри, глубоко, там, где был семилетний мальчик, что-то тихо говорит: «Скоро». «Она уже рядом.» И он верит. Как верил тогда. Как будет верить всегда.

Эта книга — о том, что происходит между этим вечером и этим утром. О том, что происходит в мальчике, пока он ждёт. О драконе, который живёт в каждом. О маге, который говорит красиво. О ведьме, которая притворяется спящей. О деревьях, которые не пускают. О принцессе, которая не ждёт. О волшебнике, который оказывается не тем.

Это сказка. Но не для детей. Или для детей. Но не только. Сказки — они для всех. Потому что все мы когда-то сидели на подоконнике. И все мы ждём. Даже если перестали. Даже если забыли. Даже если не верим. Особенно если не верим.

И у этой истории нет конца.

Потому что нет конца у дороги. Нет конца у ожидания. Нет конца у того, что мы ищем. Мы думаем: вот, дойдём — и всё. Вот, найдём — и конец. Вот, победим — и отдых. Но дорога

не кончается. Она просто становится шире. Или уже. Или темнее. Или светлее. Или добрее. Или злее. Но она идёт. И ты идёшь. И это всё. И этого достаточно.

Так что сядь. Устройся. Может быть, возьми чаю. Может быть, печенье. Может быть, просто сядь. Не важно. Важно, что ты здесь. Важно, что ты открыл эту книгу. Важно, что ты готов слушать. Не меня. Себя. Потому что эта сказка — не про мальчика. Не про дракона. Не про принцессу. Она про тебя. Про всех. Про то, что было. Про то, что есть. Про то, что будет.

А если ты не веришь — это тоже нормально. Неверие — это тоже вера. Только наоборот. И она тоже считается.

Мальчик сидел на подоконнике.

Маятник ходил.

Мама не приходила.

И тогда в комнате что-то изменилось.

Об этом — дальше.

Глава 1. Часы на стене

Мальчику было семь лет. Он сидел на подоконнике и смотрел на улицу.

За окном шёл дождь. Не сильный, не слабый — такой, который идёт весь день и никому не мешает, кроме тех, кто ждёт. Капли стекали по стеклу и оставляли за собой мокрые дорожки. Мальчик считал их. Потом сбивался. Потом начинал снова.

На стене висели часы. Старые, с маятником. Маятник ходил влево и вправо. Влево и вправо. Он не уставал. Мальчик смотрел на него и думал: если маятник не остановится, то и время не остановится. Значит, мама придёт. Так было всегда. Пока маятник ходит, что-то должно случиться.

Маятник ходил.

Мама ушла утром. Она стояла в дверях, в пальто, с сумкой на плече. Она сказала: «Я скоро вернусь». Потом она сказала: «Будь умницей». Потом она ушла.

«Скоро» — это было первое слово, которое мальчик запомнил в тот день. Он не знал точно, сколько это — скоро. Однажды он спросил у мамы, что значит «скоро». Она сказала: «Это когда недолго». Он спросил: «А недолго — это сколько?» Она засмеялась и сказала: «Ты вырастешь и поймёшь».

Он не вырос. Ему было семь лет. И он не понимал.

Утром он поел. Днём он поел. Потом он перестал есть, потому что понял, что если есть всё время, то еда закончится, а мамы всё ещё не будет. Он оставил половину печенья на тарелке. На всякий случай.

На столе стояла чашка. Мама пила из неё чай утром. На краю чашки остался след от губ. Мальчик смотрел на этот след долго. Он не трогал чашку. Ему казалось, что если он её тронет, то след исчезнет, и тогда мама исчезнет тоже — окончательно, совсем.

Он не плакал. Он не знал, почему. Наверное, потому что плакать было некому. Когда мама была дома, он мог заплакать, и она приходила. Она садилась рядом, гладила его по голове и говорила: «Ну что ты, маленький». Тогда было можно. Сейчас было нельзя. Плакать в пустую комнату — это как кричать в колодец. Никто не услышит. И даже эхо вернётся не сразу.

За стеной жила соседка. Иногда она включала радио. Мальчик слушал, как за стеной играет музыка, и ему становилось немного легче. Музыка означала, что где-то есть люди. Что мир не закончился. Что кто-то ещё живёт, пока он сидит здесь и ждёт.

Потом радио выключили. Стало тихо.

Тишина была тяжёлой. Она давила на уши. Мальчик открыл окно, чтобы слышать улицу. Улица шумела. Проезжали машины. Проходили люди. Один раз прошёл мужчина с собакой. Собака посмотрела на мальчика и вильнула хвостом. Мальчик хотел помахать ей, но не успел. Они ушли.

Он закрыл окно.

Часы тикали. Маятник ходил. Дождь шёл.

Мальчик подумал: а что, если мама уже не придёт? Он тут же прогнал эту мысль. Но мысль вернулась. Он прогнал её снова. Она вернулась опять. Так бывает с мыслями, которые нельзя прогнать, потому что они уже внутри и им не нужно возвращаться — они просто там живут.

Он слез с подоконника. Ноги затекли. Он походил по комнате. Комната была маленькая. В ней было негде ходить. Он сделал семь шагов в одну сторону. Семь шагов в другую. Семь — это было его число, потому что ему было семь лет. Он не знал, почему это важно, но ему казалось, что если сделать всё по семь раз, то что-то изменится.

Он сделал семь шагов. Ничего не изменилось.

Он сел на пол. Потом лёг. Потом встал. Потом снова сел на подоконник.

На улице стало темнее. Не потому, что наступала ночь, а потому что день был такой — серый, вязкий, как вода в ведре. Такой день ничего не обещает. Он просто идёт, и всё. И ты идёшь вместе с ним, сам не зная куда.

Мальчик посмотрел на часы. Он не умел читать время. Он умел считать только до двадцати. Но он знал: если маятник ходит долго-долго, значит, время прошло. А если время прошло, значит, мама скоро придёт. Это была простая логика. Она его держала.

Он прижал ладони к стеклу. Стекло было холодное. Он подышал на него. Появилось облачко. Он нарисовал на нём пальцем круг. Круг — это было солнце. Потом он стёр его. Потому что солнца не было.

И тогда он впервые за весь день сказал вслух:

— Мама.

Он сказал это тихо. Не для того, чтобы его слышали. А для того, чтобы слышал он сам. Иногда нужно сказать слово вслух, чтобы понять, что оно настоящее. Что мама существует. Что она есть где-то. Что она не выдумана.

Он сказал это ещё раз. Потом ещё. Потом замолчал. Потому что, если повторять слишком много, слово стирается. Как монета, которую долго держат в руке.

За окном зажглись фонари. Один. Второй. Третий. Мальчик смотрел, как они зажигаются, и считал. Он досчитал до семи и остановился. Дальше он не умел.

Он прислонился лбом к стеклу. Стало холодно. Он не отодвинулся.

Часы тикали.

Маятник ходил.

Мама не приходила.

И тогда в комнате что-то изменилось. Не сразу. Сначала мальчик подумал, что ему показалось. Но нет — воздух стал другим. Теплее. Как будто кто-то открыл дверь в другую комнату, где топится печь.

Он обернулся.

В комнате никого не было.

Но воздух был другим.

Мальчик посмотрел на часы. Маятник ходил. Влево и вправо. Влево и вправо.

Потом маятник остановился.

Так не бывало. Никогда. Маятник не останавливался. Он ходил всегда. Пока мальчик был маленьким, пока он не умел ходить, пока он не умел говорить — маятник ходил.

А теперь он остановился.

Мальчик подождал. Может быть, он сейчас пойдёт снова. Может быть, это просто. Может быть, ничего не случилось.

Маятник не пошёл.

Стало очень тихо. Так тихо, как бывает только перед чем-то. Мальчик не знал, перед чем. Но он почувствовал: сейчас что-то произойдёт.

Он слез с подоконника и пошёл к часам. Он не знал зачем. Просто пошёл. Ноги шли сами.

Он стоял под часами и смотрел вверх. Часы были высоко. Он был маленький. Он не мог их достать. Он просто стоял и смотрел.

И тогда за его спиной кто-то сказал:

— Ты долго ждёшь.

Мальчик не испугался. Он не знал почему. Наверное, потому что голос был спокойный. И потому что он был не чужой. Как будто он его уже слышал. Давно. Или всегда.

Он обернулся.

На табуретке у стола сидел человек. Немолодой. Но и не старый. В обычном пальто. Без посоха, без шляпы, без всего, что должно быть у волшебников. Только глаза были другие. Такие, какие бывают у людей, которые много видели и никуда не спешат.

Мальчик посмотрел на него.

Человек посмотрел на мальчика.

— Ты кто? — спросил мальчик.

Человек улыбнулся. Не широко. Чуть-чуть. Как улыбаются, когда знают ответ, но не хотят сказать его сразу.

— Я тот, кто приходит, когда очень долго ждёшь, — сказал он. — Сядь. Я расскажу тебе сказку.

Мальчик не сел. Он стоял.

— Мама придёт, — сказал он.

Человек не стал спорить. Он не сказал «нет». Он не сказал «да». Он просто кивнул. Как будто согласился. Как будто понял.

— Знаю, — сказал он. — А пока — сядь.

Мальчик сел. Зажмурил глаза. Потом открыл человек исчез.

За окном шёл дождь. Фонари горели. Часы стояли.

И маятник больше не ходил.

Мальчик пожал плечами.

— Показалось.

Глава 2. Мама не приходит

Стало совсем темно.

Мальчик не заметил, как это случилось. Только что за окном было серо, потом сине, потом чёрно. Фонари горели, но свет от них не доходил до комнаты. Комната была отдельно. Комната была как коробка.

Он встал и включил свет. Лампочка загорелась. Жёлтая, слабая. Она не разгоняла темноту, а только делала её видимой. Мальчик постоял под лампочкой. Потом пошёл на кухню.

Кухня была маленькая. Стол, две табуретки, плита. На плите стоял чайник. Мальчик взял его. Чайник был тяжёлый. Он налил воды. Вода полилась на пол. Он вытер пол тряпкой. Потом поставил чайник на плиту. Он не умел зажигать плиту. Мама не разрешала. Но он видел, как она это делает. Он повернул ручку. Газ зашипел. Спички лежали в коробке. Он чиркнул. Спичка сломалась. Он чиркнул вторую. Она загорелась. Он поднёс её к газу. Газ вспыхнул. Мальчик отшатнулся. Потом посмотрел. Огонь горел ровно, синим и жёлтым. Он поставил чайник. Вода начала нагреваться. Он сел на табуретку и стал смотреть на огонь.

Огонь был живой. Он двигался. Он не ждал. Ему было всё равно.

Чайник закипел. Мальчик налил воду в чашку. Ту самую. Со следом от маминых губ. Он не хотел её брать, но другой чистой не было. Он налил кипяток. След исчез. Мальчик смотрел, как он исчезает. Потом размешал сахар. Сахар был в банке. Он взял ложку. Ложка была большая. Он насыпал две ложки. Потом подумал и насыпал третью. Мама всегда клала две. Но сейчас было можно. Сейчас он сам решал.

Чай был сладкий. Слишком сладкий. Мальчик пил его маленькими глотками. Он не хотел пить, но надо было что-то делать. Если ничего не делать, становится хуже. Он это уже знал. Ему было семь лет, но он это уже знал.

Он взял печенье. То самое, которое оставил. Он съел одно. Потом второе. Потом посмотрел на тарелку. Осталось три. Он закрыл тарелку салфеткой. На всякий случай.

Потом он вернулся в комнату. Сел на подоконник. Улица была чёрная. Люди шли быстро. У них были свои дела. Они не смотрели в окна. Никто не смотрел в окна. Никто не знал, что в одной из комнат сидит мальчик и ждёт маму.

Мальчик подумал: а что, если она попала под машину? Он тут же представил это. Машина. Скрип тормозов. Мама на асфальте. Он прогнал картинку. Но она вернулась. Она всегда возвращается. Он прогнал её снова. Она вернулась опять. Тогда он перестал прогонять. Он просто сидел и смотрел на неё. Иногда нужно посмотреть на страшное, чтобы оно перестало быть страшным. Иногда это помогает. Иногда нет.

Он подумал: а что, если она просто не хочет приходить? Эта мысль была хуже первой. Первая — это беда. Вторая — это выбор. Если беда, то никто не виноват. Если выбор, то виноват кто-то. И тогда непонятно, кто.

Он вспомнил, как она уходила. Она стояла в дверях. Она была красивая. Она всегда была красивая, когда уходила. Когда она оставалась дома, она была другая — уставшая, сердитая, молчаливая. А когда уходила, она становилась красивой. Мальчик не понимал, почему так. Он думал: может быть, она уходит, чтобы быть красивой. Может быть, дома ей не хочется быть красивой.

Она сказала: «Я скоро вернусь». Она не сказала, куда идёт. Мальчик не спросил. Он никогда не спрашивал. Он боялся, что, если спросит, она рассердится. Или заплачет. Или скажет что-то такое, что он не сможет забыть.

Он не хотел, чтобы она плакала. Когда она плакала, он чувствовал себя виноватым. Хотя не знал, в чём виноват. Но чувствовал. Это было как болезнь. Ты не знаешь, откуда она взялась, но она внутри.

Он слез с подоконника. Снова походил по комнате. Семь шагов в одну сторону. Семь в другую. Ничего не изменилось. Он сделал ещё семь. Тоже ничего.

Он подошёл к шкафу. Открыл дверцу. Там висели мамины вещи. Пальто, которое она носила осенью. Шарф. Юбка. Мальчик потрогал пальто. Ткань была мягкая. Он прижался к ней лицом. Пальто пахло мамой. Немного духами, немного улицей, немного чем-то ещё, что было только мамой. Он стоял так долго. Потом закрыл шкаф. Он не хотел, чтобы запах выветрился. Пусть останется внутри. Пусть будет.

Он сел на пол у шкафа. Прижал колени к груди. Обхватил их руками. Так было теплее. Так было меньше. Если стать совсем маленьким, может быть, тебя не заметят. Может быть, беда пройдёт мимо. Он не знал, откуда взялась эта мысль, но она была правильная. Он чувствовал.

За стеной снова включили радио. Музыка была тихая. Кто-то ходил по комнате. Соседка. Она была старая. У неё был кот. Мальчик знал, потому что иногда слышал, как кот мяукает. Сейчас кот не мяукал. Только радио. Только шаги. Только жизнь за стеной.

Мальчик подумал: а что, если пойти к соседке? Она добрая. Она даст чаю. Она спросит, где мама. Он не знал, что ответить. Он не знал, где мама. Он не знал, когда она придёт. Он не знал, придёт ли она вообще. Если бы он знал, было бы легче. Но он не знал. И это было самое трудное.

Не знать.

Когда ты не знаешь, ты не можешь ничего делать. Ты можешь только ждать. А ждать — это не действие. Это состояние. Как болезнь. Как дождь. Как темнота.

Он встал. Подошёл к часам. Маятник стоял. Он больше не ходил. Мальчик смотрел на него. Часы показывали что-то, но он не понимал. Он знал только, что время идёт. Даже если

маятник стоит. Время всегда идёт. Оно не останавливается. Оно идёт, идёт, идёт, и ты ничего не можешь с этим сделать.

Он подумал: может быть, маятник остановился, потому что время кончилось? Может быть, дальше уже ничего не будет? Он не знал. Он никогда не думал об этом раньше. Раньше времени было много. Оно тянулось. Теперь его стало мало. Или оно стало другим. Он не понимал.

Он вернулся на подоконник. Прижался лбом к стеклу. Стекло было холодное. Он дышал на него. Облачко появлялось и исчезало. Появлялось и исчезало. Он дышал и считал. Один. Два. Три. Он досчитал до двадцати. Потом снова до двадцати. Потом сбился.

Он закрыл глаза.

И тогда он слышал.

Не шаги. Не голос. Что-то другое. Как будто кто-то вздохнул. Тихо. Рядом. Он открыл глаза. В комнате никого не было. Но воздух был другой. Тёплый. Как будто кто-то открыл дверь. Или окно. Или что-то ещё.

Мальчик обернулся. На табуретке у стола сидел человек. Тот самый. Он не ушёл. Он всё это время был здесь. Мальчик не знал, как он здесь оказался. Он не видел, как он вошёл. Он просто был.

Человек смотрел на него. Не мигая. Спокойно.

— Ты всё ещё ждёшь, — сказал он. Это был не вопрос. Это было утверждение.

Мальчик кивнул.

— Она не придёт сегодня, — сказал человек. Он сказал это не жестоко. Он сказал это как факт. Как погоду. Как время.

Мальчик посмотрел на него. Он хотел сказать «придёт». Он хотел сказать «нет». Он хотел сказать что-то, что было бы правдой. Но правды он не знал. Он знал только, что ждёт. И что ждать — это всё, что он умеет.

— Я знаю, — сказал он тихо.

Человек кивнул.

— Тогда сядь, — сказал он. — Я расскажу тебе сказку. Она длинная. Но ты успеешь.

Мальчик слез с подоконника. Подошёл к столу. Сел напротив. Стол был между ними. Маленький стол. Две табуретки. Одна чашка. Одно печенье. Всё было как раньше. И всё было другое.

Человек начал говорить. Голос у него был негромкий. Он не торопился. Он говорил так, как будто у него было много времени. Как будто время вообще не имело значения.

Мальчик слушал.

За окном шёл дождь.

Фонари горели.

Мама не приходила.

А человек говорил.

И в его словах что-то было. Что-то такое, от чего становилось не легче, но понятнее. А может быть, это одно и то же. Мальчик не знал. Он просто слушал.

Глава 3. Шаги на лестнице

Прошло немного времени. Или много. Мальчик не знал.

Он сидел напротив человека и слушал. Человек говорил негромко. Слова были простые. Они не обещали ничего. Они просто были. Как дождь. Как темнота. Как часы, которые стояли.

Потом на лестнице послышались шаги.

Мальчик вскочил. Табуретка качнулась и упала. Он не поднял её. Он побежал к двери. Он не думал. Он просто побежал. Тело знало раньше головы.

Шаги были быстрые. Знакомые. Он знал этот звук. Он слышал его тысячу раз. Мама всегда поднималась быстро. Она не любила лестницу. Она говорила: «Эта лестница меня убивает». Но поднималась быстро.

Шаги приближались. Мальчик стоял у двери. Руки у него были холодные. Сердце стучало где-то в горле. Он не дышал. Он ждал.

Шаги прошли мимо.

Они пошли выше. На следующий этаж. Там жил дядя Гриша, который всегда кашлял. Мальчик слышал, как открылась дверь. Как дядя Гриша сказал что-то. Как дверь закрылась.

Стало тихо.

Мальчик стоял у двери. Он не двигался. Он знал, что надо вернуться. Он знал, что надо сесть. Но ноги не шли. Ноги были чужие.

Он вернулся. Медленно. Поднял табуретку. Сел.

Человек смотрел на него. Он не сказал ничего. Он не сказал «я же говорил». Он не сказал «не переживай». Он просто смотрел. И это было лучше, чем слова.

Мальчик сидел и смотрел в стол. На столе была царапина. Он знал эту царапину. Он сам её сделал, когда ему было пять. Он резал хлеб и не рассчитал. Мама тогда рассердилась. Потом перестала. Потом забыла. Царапина осталась.

Он провёл по ней пальцем. Туда. Обратно. Туда. Обратно. Как маятник. Только маятник стоял. А палец ходил.

Прошло ещё немного времени.

Потом снова шаги.

Мальчик не вскочил. Он замер. Он слушал. Шаги были медленные. Тяжёлые. Это был не мамин шаг. Это был мужчина. Мужчина поднимался долго. Он останавливался. Он дышал. Потом шёл дальше.

Он прошёл мимо двери. Мальчик слышал, как он прошёл. Слышал, как он дышит. Слышал, как он кашляет. Потом стало тихо.

Мальчик выдохнул. Он не знал, что не дышал. Он дышал только сейчас.

Потом был стук.

В дверь. Три раза. Быстро. Уверенно.

Мальчик посмотрел на человека. Человек посмотрел на мальчика. Никто не двинулся.

Стук повторился. Громче.

Мальчик встал. Подошёл к двери. Положил руку на ручку. Рука была холодная. Он не открыл. Он стоял. Он слушал.

За дверью молчали.

Он посмотрел в глазок. Глазок был старый. В него было плохо видно. Он увидел только тёмное пятно. Потом пятно сдвинулось. Потом исчезло.

Он подождал. Ничего.

Он открыл дверь.

На площадке никого не было. Только лестница. Только лампочка, которая мигала. Только ветер, который шёл снизу. Мальчик посмотрел вниз. Перила. Ступени. Пустота.

Он закрыл дверь. Повернул замок. Он не знал, зачем. Просто повернул.

Он вернулся к столу. Сел. Положил руки на стол. Ладони вниз. Как будто стол мог его держать.

Человек молчал.

Мальчик сидел. И тогда внутри него что-то поднялось. Медленно. Как вода в затопленном подвале. Он не знал, что это. Он не знал, как это называется. Оно поднималось и поднималось. И потом вышло.

Мальчик ударил кулаком по столу.

Стол задрожал. Чашка подпрыгнула. Печенье упало на пол. Мальчик ударил ещё раз. Потом ещё. Потом он закричал. Не словами. Просто криком. Так кричат звери. Так кричат, когда не могут иначе.

Он кричал долго. Или недолго. Он не считал.

Потом он замолчал. Горло болело. Рука болела. Он посмотрел на свой кулак. Костяшки были красные. Он не помнил, как это случилось.

Ему стало страшно.

Он никогда так не делал. Он никогда не кричал. Он никогда не бил. Он был хороший мальчик. Мама говорила: «Ты у меня умница». Умницы не кричат. Умницы не бьют. Умницы ждут.

Он посмотрел на человека.

Человек не испугался. Не рассердился. Не сказал «нельзя». Он просто сидел.

— Это ничего, — сказал он. — Это бывает.

Мальчик посмотрел на него.

— Я плохой, — сказал он.

— Нет, — сказал человек. — Ты живой.

Мальчик не понял. Он не знал, что это значит. Но слова были спокойные. И он им поверил. Немного.

Он слез с табуретки. Не потому что хотел. Просто не мог больше сидеть. Он залез под стол. Там было темно. Там было тесно. Там было безопасно.

Он сидел под столом и смотрел на ножки. Ножка была деревянная. Она была тёплая. Он прижался к ней щекой.

Под столом было тихо. Как в шкафу. Как в колодце. Как в другом мире. Здесь никто не приходил. Здесь никто не уходил. Здесь можно было просто быть.

Он закрыл глаза.

И тогда он почувствовал, что воздух стал тёплым. Не так, как в комнате. Другой. Как будто рядом кто-то дышит. Как будто кто-то сидит рядом. Не снаружи. Внутри.

Он открыл глаза.

Под столом было темно. Но темнота была другая. В ней что-то было. Не страх. Не пустота. Что-то. Он не знал, что. Но оно было.

Он посмотрел в эту темноту.

И темнота посмотрела на него.

Он не испугался. Он не знал почему. Может быть, потому что устал бояться. Может быть, потому что темнота не была злая. Она была просто темнота. Как ночь. Как сон. Как всё, что было до слов.

Он сидел под столом и дышал.

Потом он вылез.

Снаружи было светло. Лампа горела. Человек сидел на табуретке. Печенье лежало на полу. Мальчик поднял его. Отряхнул. Положил на стол. Потом сел.

Он посмотрел на часы. Маятник стоял.

Он посмотрел на человека. Человек смотрел на него.

— Сказка, — сказал мальчик. — Ты говорил про сказку.

Человек кивнул.

— Она начинается завтра, — сказал он. — Или сегодня. Это одно и то же.

Мальчик не понял. Но не стал спрашивать. Он просто сидел. И ждал. Не маму. Не что-то. Просто ждал. Тихо. Спокойно. Как будто впервые за весь день ему было всё равно, что будет дальше.

За окном шёл дождь.

Фонари горели.

Мама не приходила.

Но мальчик больше не смотрел на дверь.

Он смотрел на человека.

И человек начал говорить.

Глава 4. Добрый волшебник

Человек сидел на табуретке. Мальчик сидел напротив. Между ними был стол. На столе — чашка. В чашке — чай. Чай остыл. Никто его не пил.

Человек снял пальто. Повесил на спинку стула. Под пальто был свитер. Серый. Старый. С заплаткой на локте. Мальчик посмотрел на заплатку. Она была аккуратная. Кто-то шил её долго. Кто-то старался.

— Ты волшебник? — спросил мальчик.

Человек подумал.

— Нет, — сказал он.

Мальчик не ожидал такого ответа. Он думал, что волшебники всегда говорят «да». Так было в книжках. В книжках волшебники говорили «да», и потом всё становилось хорошо.

— А кто ты? — спросил мальчик.

Человек посмотрел на свои руки. Руки были большие. На левой руке не было одного пальца. Мальчик не сразу заметил. Потом заметил. Он не спросил, куда делся палец. Он знал, что про такое не спрашивают.

— Я тот, кто уже здесь был, — сказал человек. — Ты меня не помнишь. Ты был маленький.

— Я и сейчас маленький, — сказал мальчик.

— Да, — согласился человек. — Но тогда был ещё меньше.

Мальчик не понял. Но ему почему-то стало спокойнее. Как будто этот человек знал его давно. Как будто он был не чужой.

— Ты знаешь мою маму? — спросил мальчик.

— Знаю, — сказал человек.

— Она придёт?

Человек молчал. Он молчал долго. Мальчик смотрел на него и ждал. Он уже умел ждать. Он делал это весь день.

— Она придёт, — сказал человек. — Но не сегодня.

Мальчик кивнул. Он не заплакал. Он уже понял это раньше. Просто не хотел признаваться.

— А когда?

— Когда сможет.

— А если не сможет?

Человек посмотрел на него. Прямо. Не отводя глаз.

— Тогда ты научишься жить без этого, — сказал он. — Это трудно. Но можно.

Мальчик не понял. Как это жить без мамы? Мама была везде. В шкафу. В чашке. В воздухе. В нём самом. Как можно жить без того, что внутри тебя?

Он не спросил. Он просто сидел.

За стеной снова играло радио. Соседка не спала. Мальчик слышал, как она ходит. Как открывает кран. Как закрывает. Как разговаривает с котом. Обычные звуки. Обычная жизнь. У кого-то она была. У него — нет.

— Ты голодный? — спросил человек.

— Нет, — сказал мальчик.

— Ты холодный?

— Нет.

— Ты устал?

Мальчик не ответил. Он не знал, что сказать. Он был не усталый. Он был пустой. Это другое. Когда ты пустой, ты не хочешь спать. Ты хочешь, чтобы что-то пришло и заполнило тебя. Но ничего не приходит. И ты сидишь. И ждёшь.

Человек встал. Подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Дождь всё шёл. Люди шли под зонтами. Машины ехали. Мир работал. Мир не останавливался.

— Я покажу тебе сказку, — сказал человек. — Ты её уже знаешь. Но не помнишь.

— Как это? — спросил мальчик. — Как можно знать и не помнить?

— Так бывает, — сказал человек. — Ты знаешь многое. Ты просто не знаешь, что знаешь.

Он вернулся к столу. Сел. Положил руки на стол. Ладони вниз. Как мальчик. Мальчик заметил это. Ему стало тепло. Не потому, что стало теплее. Потому что кто-то делал то же, что он.

— Сказка — это не про принцесс, — сказал человек. — Про драконов. И про магов. И про мальчика как ты.

— Про меня? — удивился мальчик.

— Про тебя, — сказал человек. — Ты рыцарь. Ты идёшь по дороге. Ты не знаешь куда. Но ты идёшь.

Мальчик посмотрел на свои руки. Они были маленькие. Не рыцарские. Он посмотрел на свои ноги. Они не доставали до пола. Он сидел на табуретке и болтал ими. Какой из него рыцарь?

— Я не рыцарь, — сказал он.

— Все рыцари так говорят, — сказал человек. — Пока не станут рыцарями.

Он помолчал.

— Ты знаешь, что такое дракон? — спросил он.

— Это который огонь, — сказал мальчик. — Который сжигает.

— Да, — сказал человек. — Но не только. Дракон — это то, что сжигает внутри. Гнев. Обида. Всё, что ты держишь в себе и не выпускаешь. Оно растёт. Оно становится большим. И однажды выходит наружу. И тогда ты сжигаешь всё вокруг. Или себя.

Мальчик подумал. У него был дракон? Может быть. Когда он бил кулаком по столу. Когда кричал. Может быть, это был дракон.

— А маг? — спросил он.

— Маг — это тот, кто говорит красиво, — сказал человек. — Тот, кто обещает. Тот, кто заманивает. Он не злой снаружи. Он злой внутри. Он топит тебя в болоте. А ты думаешь, что идёшь по дороге.

Мальчик не понял. Но что-то в нём отозвалось. Как струна. Он не знал, почему. Он просто почувствовал.

— А ведьма там будет и кто она? — спросил он.

— Ведьма — это та, кто притворяется жертвой, — сказал человек. — Та, кто говорит: «Спаси меня». А потом, когда ты спасаешь, она забирает тебя. Ты становишься камнем. Ты перестаёшь чувствовать. Ты просто есть. Но тебя нет.

Мальчик вспомнил. Он не знал, что вспомнил. Что-то. Какое-то лицо. Какой-то голос. Он не мог ухватить. Оно ускользало.

— А деревья, они там тоже? — спросил он.

— Деревья — это твои страхи, — сказал человек. — Они стоят на перепутье и не пускают. Они говорят: «Ты не пройдёшь». Они говорят: «Ты плохой». Они говорят: «Ты виноват». Но они не враги. Они просто стражи. Они проверяют. Если ты не сдаёшься — они отступают.

— А принцесса, всегда есть принцесса?

Человек улыбнулся. Чуть-чуть. Как тогда.

— Принцесса — это то, что ты ищешь, — сказал он. — Это не человек. Это то, что ты потерял. Это твоя вера. Твоё доверие. Твоя любовь. Ты идёшь за ней. И находишь. Но не там, где думал.

Мальчик слушал. Он не всё понимал. Но он слушал. Потому что слова были не пустые. Они были как камни. Тяжёлые. Настоящие. Их можно было потрогать.

— А волшебник? — спросил он. — Который показывает сказку? Он кто?

Человек помолчал. Потом сказал:

— Это я.

Мальчик посмотрел на него.

— Как это — ты?

— А так, — сказал человек. — Потому что никто другой тебе не покажет. Но всему свое время

Мальчик не понял. Но ему стало страшно. И хорошо. Одновременно. Как будто он стоял на краю и смотрел вниз. И знал, что не упадёт.

— Я хочу, чтобы мама пришла.

Человек кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Это нормально. Хотеть маму. Это не стыдно.

— А если она не придёт?

— Тогда ты станешь волшебником, как я стал — сказал человек. — Потому что больше некому.

Мальчик замолчал. Он смотрел в стол. На царапину. Туда. Обратно. Туда. Обратно. Палец ходил. Как маятник. Только маятник стоял.

— Сказка начинается сейчас? — спросил он.

— Сейчас, — сказал человек.

Он поднял руку. Не резко. Медленно. Как будто поднимал что-то тяжёлое. И в комнате стало темно.

Не страшно темно. Не пусто. Другою. Как будто выключили лампу. Но не лампу. Что-то большее.

Мальчик посмотрел вокруг. Комната была на месте. Стол. Табуретка. Чашка. Но за окном было не окно. За окном было поле. И дорога. И лес вдалеке. И замок на холме.

— Это здесь, — сказал человек. — Это всегда было здесь. Ты просто не видел.

Мальчик встал. Подошёл к окну. Положил руки на подоконник. Подоконник был холодный. Настоящий. Но за ним было не настоящее. Или наоборот — настоящее, а всё остальное было нет.

— Ты пойдёшь? — спросил человек.

Мальчик не обернулся. Он смотрел в поле. Там была дорога. Она уходила куда-то. Он не знал куда. Но она была.

— А ты? — спросил мальчик.

— Я буду здесь, — сказал человек. — Я всегда здесь.

— Ты меня ждёшь?

— Нет, — сказал человек. — Я тебя помню.

Мальчик не понял. Но не спросил. Он просто стоял и смотрел.

За окном было поле.

Была дорога.

Был он.

И был кто-то ещё. Вдалеке. У замка. Мальчик не видел кто. Но чувствовал. Что кто-то есть. Что кто-то ждёт. Или не ждёт. Но есть.

Он сделал шаг.

Пол был твёрдый. Настоящий.

Он сделал ещё шаг.

И комната осталась позади.

Глава 5. Сказка начинается

Мальчик стоял на дороге.

Он не помнил, как здесь оказался. Только что была комната. Стол. Табуретка. Чашка с остывшим чаем. Потом шаг. Ещё шаг. И вот — дорога.

Дорога была пыльная. Не асфальт. Не тротуар. Просто земля, утоптанная многими ногами. По бокам — трава. Высокая, сухая, жёлтая. Она шевелилась от ветра. Ветра мальчик не чувствовал. Но трава шевелилась. Значит, ветер был. Просто не для него.

Он посмотрел на себя. На нём были доспехи.

Не такие, как в книжках. Не блестящие. Не золотые. Серые, тусклые, в царапинах. Как будто их носили до него. Много раз. Долго. Кто-то другой. А теперь они были его. И они были ему велики.

Он поднял руку. Рукав доспеха съехал на локоть. Он опустил руку. Рукав съехал обратно. Он поднял руку снова. Рукав съехал снова. Он перестал поднимать.

В руке был меч. Мальчик не помнил, как он там оказался. Меч был тяжёлый. Тяжелее, чем должен быть. Мальчик держал его двумя руками. Потом одной. Потом двумя. Рука уставала. Он опустил меч. Кончик коснулся земли. Так было легче.

Он пошёл.

Дорога шла прямо. Потом поворачивала. Потом шла снова прямо. Мальчик не знал, куда идёт. Он не спрашивал. Он просто шёл. Ноги шли сами. Доспехи гремели. Не громко. Тихо. Как будто кто-то далеко стучал ложкой по кастрюле. Стук. Стук. Стук. И ты идёшь под этот стук.

Он прошёл немного. Или много. Он не считал. Он не умел считать так далеко. Он умел до семи. Дальше начиналось неизвестное. А неизвестное он не любил.

Потом он остановился.

Потому что впереди был лес.

Лес был тёмный. Не такой, как на картинках. На картинках леса были зелёные и весёлые. Этот лес был серый. Деревья стояли близко друг к другу. Между ними было мало места. Они не пропускали свет. Они не пропускали звук. Там было тихо. Так тихо, что мальчик услышал, как бьётся его сердце.

Он не хотел идти туда. Он хотел пойти обратно. Но обратно дороги не было. Была только вперёд. Дорога всегда одна. Это мальчик уже знал.

Он пошёл.

Лес сомкнулся за ним. Как дверь. Как рот. Мальчик оглянулся. Дороги, по которой он пришёл, не было. Только деревья. Только стволы. Только темнота между ними.

Он пошёл дальше.

Под ногами был не песок. Не земля. Что-то мягкое. Как будто трава, которую давно не косили. Она пружинила. Он шёл и не слышал своих шагов. Только доспехи гремели. Стук. Стук. Стук. В лесу это было громко.

Он подумал: а вдруг кто-то услышит? Вдруг кто-то придёт?

Он не знал, хочет он этого или нет.

Он шёл долго. Деревья не кончались. Они были одинаковые. Мальчик уже не понимал, идёт он вперёд или ходит по кругу. Он остановился. Посмотрел на дерево рядом. На стволе была царапина. Он её не делал. Но она была. Как царапина на столе. Только больше.

Он пошёл дальше. Потом остановился снова. Посмотрел на другое дерево. Там тоже была царапина. Такая же. Мальчик посмотрел на неё долго.

Он вернулся. Нет. Он не вернулся. Он пошёл назад. Но назад было так же, как вперёд. Он снова увидел царапину. Потом ещё. Потом ещё.

Он сел.

Сел прямо на землю. Доспехи загремели. Меч упал. Он не поднял его. Он сидел и смотрел на деревья. Деревья стояли и смотрели на него. У них не было глаз. Но они смотрели.

Мальчик подумал: я умру здесь. Он не испугался этой мысли. Она была простая. Как погода. Как часы. Как всё, что было.

Он сидел. И тогда он услышал голос.

Не громкий. Не страшный. Просто голос.

— Ты зачем сел?

Мальчик обернулся. Рядом никого не было. Только дерево. Большое. Старое. С трещиной в коре.

— Ты сел, — сказал голос. — Зачем?

Мальчик посмотрел на дерево. Потом вокруг. Потом снова на дерево.

— Я устал, — сказал он.

— Все устают, — сказала дерево. — Но не все садятся.

Мальчик не удивился. Он уже ничему не удивлялся. День был длинный. Слишком длинный. В таком дне можно было разговаривать с деревом. Это было нормально. Или ненормально. Но уже всё равно.

— Ты кто? — спросил мальчик.

— Я дерево, — сказала дерево. — Ты разве не видишь?

— Вижу, — сказал мальчик. — Но ты говоришь.

— Говорю, — согласилось дерево. — И что?

Мальчик не нашёл что ответить. Он сидел и смотрел на дерево. Дерево стояло и смотрело на него. Так они смотрели друг на друга. Долго. Или недолго.

— Ты идёшь к принцессе, — сказала дерево. Не спросило. Сказало.

— К какой принцессе? — спросил мальчик.

— Ты не знаешь?

— Не знаю.

— Тогда зачем идёшь?

Мальчик задумался. Он не знал, зачем идёт. Он просто шёл. Потому что не мог не идти. Потому что дорога была одна. Потому что позади ничего не было.

— Не знаю, — сказал он.

Дерево заскрипело. Как будто засмеялось. Или как будто ветер прошёл по веткам. Но ветра не было.

— Хорошо, — сказала дерево. — Честно. Садись. Отдохни. Потом пойдёшь.

— Куда?

— Туда, — сказала дерево. — Куда все идут.

Мальчик посмотрел туда, куда показывало дерево. Там была темнота. Такая же, как везде. Но, может быть, чуть-чуть светлее. Или ему показалось.

Он встал. Поднял меч. Меч был тяжёлый. Но не такой, как раньше. Немного легче. Или он привык.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказала дерево. — Ты ещё вернёшься.

— Зачем?

— Затем, — сказала дерево. — Все возвращаются. Даже если не помнят.

Мальчик пошёл. Доспехи гремели. Стук. Стук. Стук. Дерево осталось позади. Мальчик не обернулся. Он знал, что если обернётся, то дерева не будет. А если не обернётся — оно останется. Пусть останется. Пусть будет.

Он шёл. Лес не кончался. Но он стал другой. Деревья стояли дальше друг от друга. Свет пробивался между ними. Серый. Не солнечный. Но свет. Мальчик видел свои руки. Видел меч. Видел доспехи. Это было важно. Видеть себя. Когда не видишь себя — страшно. Когда видишь — можно идти.

Потом лес кончился.

Внезапно. Как будто кто-то открыл дверь. Мальчик вышел на поле. Поле было большое. Дальше — холмы. На холме — замок. Замок был далеко. Но он был. Он стоял. Он не исчезал. Он был настоящий.

Мальчик посмотрел на него. Долго. Потом посмотрел на дорогу. Дорога шла к замку. Прямо. Без поворотов. Без развилок. Пока без развилок.

Он пошёл.

Под ногами была трава. Мягкая. Зелёная. Настоящая. Не серый мох леса. Не пыль дороги. Трава. Мальчик наклонился. Потрогал. Она была холодная. От росы. Или от чего-то ещё. Он не знал. Он просто потрогал. Потом пошёл дальше.

Он шёл и смотрел на замок. Замок не приближался. Он был как луна. Ты идёшь к ней, а она не ближе. Но мальчик не останавливался. Он знал: если идти долго, всё равно придёшь. Или не придёшь. Но идти надо.

Он шёл.

Солнце не садилось. Не поднималось. Оно просто было. Где-то. Мальчик не смотрел на небо. Он смотрел на дорогу. На замок. На свои ноги. Ноги шли. Доспехи гремели. Стук. Стук. Стук.

Потом он остановился.

Потому что впереди кто-то был.

Мальчик не сразу понял, кто. Фигура была маленькая. Далеко. Она стояла на дороге. И ждала. Или не ждала. Просто стояла.

Мальчик пошёл быстрее. Доспехи загремели громче. Фигура не двигалась. Она ждала. Теперь мальчик знал: она ждала. Его.

Он подошёл ближе.

Это был старик. Нет. Не старик. Мужчина. Немолодой. В плаще. С посохом. Как в книжках. Как волшебник. Но мальчик уже знал: волшебник — это не тот, кто в плаще. Волшебник — это тот, кто в комнате. Кто сидит на табуретке. Кто не говорит лишнего.

Мужчина посмотрел на него.

— Ты идёшь к замку, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Да, — сказал мальчик.

— Зачем?

— Не знаю.

Мужчина кивнул. Как будто ждал этого ответа. Как будто другого быть не могло.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. Дорога одна. Но на ней будут те, кто захочет тебя остановить. Дракон. Маг. Ведьма. Деревья. Ты их узнаешь. Ты их уже знаешь.

— Я их не знаю, — сказал мальчик.

— Знаешь, — сказал мужчина. — Просто не помнишь.

Мальчик не понял. Но не спросил. Он уже слышал это раньше. В комнате. От человека. От себя? Он не знал. Он просто слушал.

— Иди, — сказал мужчина. — И не садись. Если сядешь — не встанешь.

— А если устану?

— Все устают, — сказал мужчина. — Но не все садятся.

Он сказал это так же, как дерево. Слово в слово. Мальчик заметил. Он хотел спросить, но мужчина уже отвернулся. И пошёл. В сторону леса. Откуда мальчик пришёл. Он шёл быстро. Не как старик. Как тот, кто знает дорогу.

Мальчик смотрел ему вслед. Потом пошёл дальше. К замку. К принцессе. К тому, что было впереди. Он не знал, что это. Но он шёл.

Доспехи гремели.

Стук. Стук. Стук.

Дорога шла вперёд.

И где-то далеко, за холмами, за лесами, за всем, что было и будет, стоял замок. И в замке кто-то ждал. Или не ждал. Но был.

Мальчик шёл.

Он был рыцарь.

Он ещё не знал этого. Но он уже был.

Глава 6. Рыцарь и прекрасная принцесса

Он шёл к замку три дня.

Или не три. Он не считал. Дни были одинаковые. Светло — идёшь. Темно — сидишь. Есть не хотелось. Пить не хотелось. Хотелось только идти. Это странно, когда не хочется ни есть, ни пить. Обычно хочется. Значит, что-то в нём изменилось. Он не знал, что. Но изменилось.

Он спал на земле. Клал меч рядом. Доспехи не снимал. Они были тяжёлые, но он привык. Иногда он думал: а если снять? Что будет? Может, будет легче. Может, будет хуже. Он не снимал. Он боялся, что если снимет, то станет кем-то другим. А он не хотел быть кем-то другим. Он хотел быть собой. Даже если это тяжело.

На третий день он подошёл к замку.

Замок был большой. Больше, чем казался издалика. Стены серые, высокие. Ворота открытые. Никто не стоял у ворот. Ни стражников, ни собак, никого. Мальчик подумал: так бывает? Обычно у ворот кто-то есть. Но здесь никого не было. Только пустота. Только камень. Только тишина.

Он вошёл.

Двор был пустой. Каменные плиты, трава между ними. Фонтан, который не работал. Вода в нём стояла, зелёная, густая. Мальчик не стал пить. Он пошёл дальше.

Потом он поднял голову.

И увидел окно.

Окно было высоко. В башне. В окне стояла девушка. Она смотрела на него. Потом она подняла руку. И помахала.

Мальчик остановился.

Он не знал, что делать. Он не умел махать. Он никогда не махал. Никто ему не махал. Он стоял и смотрел на неё. Девушка была далеко. Он не видел её лица. Только фигуру. Только светлое платье. Только руку, которая махала.

Он поднял руку. Неуверенно. Как будто извиняясь. Потом опустил. Рука упала сама. Как будто не хотела быть наверху.

Девушка всё стояла. Она не ушла. Она ждала. Или не ждала. Просто стояла.

Мальчик стоял и смотрел. Он не знал, что делать дальше. Он шёл к ней три дня. Теперь он стоял во дворе и не знал, что делать. Так бывает. Когда идёшь — понятно. Когда дошёл — непонятно. Дорога была простая. Дорога не задавала вопросов. А тут — вопросы. Тут надо было что-то решать. А мальчик не умел решать. Ему было семь лет. Он умел только ждать и идти.

Он пошёл к башне.

Внутри было темно. И холодно. Каменные ступени шли вверх. Круглые, стёртые посередине. Много ног прошло здесь до него. Много. Он начал подниматься.

Ступени были высокие. Для взрослых. Для него — слишком. Он поднимал ногу. Ставил. Потом другую. Доспехи гремели. В башне было гулко. Стук. Стук. Стук. Как будто не один человек поднимается, а много.

Он поднимался долго. Уставал. Садился. Вставал. Шёл. Один раз он посмотрел вниз. Внизу был двор. Маленький. Далеко. Он не помнил, что двор был такой маленький. Он поднимался, а мир становился меньше. Это было странно. Но не страшно.

Он дошёл.

Дверь была открыта. Он вошёл.

Комната была круглая. С окном. В окне стояла девушка.

Она обернулась.

Мальчик увидел её лицо.

Он не знал, что сказать. Он думал об этом всю дорогу. Он думал: что сказать, когда дойдёшь. Он придумал много слов. «Я пришёл», «Я тебя искал», «Я рыцарь». Но сейчас, когда она стояла перед ним, ни одно слово не годилось. Слова были как доспехи. Тяжёлые. Не по размеру.

— Ты долго шёл, — сказала она.

Голос был негромкий. Не такой, как он представлял. Проще. Тише.

— Долго, — сказал он.

— Ты устал?

— Нет.

Он соврал. Но не потому, что хотел соврать. Просто «да» было бы длиннее. А он не хотел длинно. Он хотел коротко. Коротко — это правда. Длинно — это уже неправда. Так он думал. Он не знал, правильно это или нет.

Она смотрела на него. Потом улыбнулась. Не широко. Чуть-чуть. Как человек в комнате. Как тот, кто сидел на табуретке и не сказал «не переживай».

— Ты ещё маленький, — сказала она.

Мальчик не обиделся. Он знал, что маленький. Он был маленький. Но он всё равно дошёл.

— Я дошёл, — сказал он.

— Дошёл, — согласилась она.

Она отошла от окна. Подошла к нему. Она была выше. Она была больше. Но не сильно. Чуть-чуть.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

Она кивнула. Как будто ждала этого. Как дерево. Как мужчина в плаще. Все ждали этого ответа. Мальчик уже начинал думать, что других ответов не бывает. Что все ответы — это «не знаю». И это нормально.

— Тогда я скажу, — сказала она. — Ты здесь не для того, чтобы спасти меня. Я не в беде.

Мальчик посмотрел на неё. Он не понял. Он думал, что принцессы всегда в беде. Что их надо спасать. Что дракон — это для принцессы. Что маг — это для принцессы. Что всё — для принцессы.

— А зачем я здесь? — спросил он.

Она посмотрела в окно. Долго. Как будто там было что-то важное. Но там было только поле. Только дорога. Только облака. Обычные облака. Серые.

— Ты здесь, чтобы узнать, — сказала она. — Что ты можешь прийти. Сам. Без меня.

Мальчик молчал. Он не понимал. Но слова были правильные. Он чувствовал. Как будто кто-то сказал то, что он сам не мог сказать. И теперь это было снаружи. Можно было посмотреть. Потрогать.

— А потом? — спросил он.

— Потом ты уйдёшь, и снова вернешься сюда. Я буду ждать. А сейчас ты уйдёшь — сказала она.

— Куда?

— Туда, где дракон.

Мальчик посмотрел на свои руки. Они были маленькие. Не рыцарские. Он посмотрел на меч. Меч был тяжёлый. Он посмотрел на доспехи. Доспехи были велики.

— Я не хочу, — сказал он.

— Знаю, — сказала она. — Все не хотят. Но идут.

Она подошла к столу. На столе лежала карта. Старая. Порванная по краям. Она развернула её. Мальчик подошёл. Посмотрел.

На карте была дорога. Одна. Она шла от замка. Потом поворачивала. Потом шла снова. И на ней были знаки. Маленькие. Нарисованные от руки.

— Вот, — сказала она. И ткнула пальцем. — Дракон. Он сжигает деревни. Три деревни уже сжёг. Люди уходят. Скот бросают. Дома бросают. Всё бросают. Только чтобы жить.

Мальчик смотрел на знак. Знак был простой. Кружок. Внутри кружка — огонь. Или что-то похожее на огонь. Три палочки. Как будто костёр.

— А вот, — сказала она. И повела пальцем дальше. — Лес. Там маг. Он заманивает рыцарей. Они идут в болото. И тонут. Никто не вернулся оттуда. Ни один.

Второй знак был ещё проще. Три точки. И волнистая линия под ними. Вода. Или невода. Что-то. Мальчик не знал.

— А вот, — сказала она. И остановилась. — Здесь я не знаю.

На карте был третий знак. Он был зачёркнут. Кто-то зачеркнул его. Давно. Чернила выцвели.

— Что там? — спросил мальчик.

— Не знаю, — сказала она. — Никто не знает. Те, кто доходил, не возвращались. Те, кто возвращался, не доходили.

Мальчик смотрел на зачёркнутый знак. Долго. Потом отвернулся.

— Я пойду, — сказал он.

Она не удивилась. Она не сказала «останься». Она не сказала «подожди». Она просто кивнула. Как будто знала. Как будто ждала.

Он пошёл к двери. У двери он остановился.

— А ты? — спросил он. — Ты будешь здесь?

— Буду, — сказала она.

— А если я не вернусь?

Она помолчала.

— Тогда я буду здесь, — сказала она. — Всё равно.

Мальчик не понял. Но не спросил. Он вышел. Дверь осталась открытой. Он не закрыл её. Пусть будет открыта. Пусть она видит, как он уходит.

Он спускался по лестнице. Ступени были высокие. Доспехи гремели. Стук. Стук. Стук. Он спускался долго. Или недолго. Он не считал.

Во дворе он остановился. Посмотрел вверх. В окне никого не было. Девушка ушла. Или не ушла. Просто отошла. Мальчик постоял. Потом пошёл к воротам.

У ворот стоял столб. К нему была прибита доска. На доске было написано что-то. Мальчик не умел читать. Но он понял. По картинке. На картинке был нарисован дракон. И стрела. Стрела показывала вправо.

Он пошёл вправо.

Дорога была такая же. Пыльная. Сухая. Трава по бокам. Ветер, которого он не чувствовал. Он шёл и смотрел на замок. Замок становился меньше. Потом ещё меньше. Потом стал как точка.

Он не обернулся.

Он шёл вправо.

Там был дракон.

Он ещё не знал этого. Но он шёл.

Доспехи гремели.

Стук. Стук. Стук.

Глава 7. Дракон, который сжигал деревни

Он шёл два дня.

Дорога была пустая. Ни людей, ни повозок, ни собак. Только трава по бокам. Только пыль под ногами. Только небо, серое, как старая простыня.

На второй день он почувствовал запах.

Запах был странный. Не земля. Не трава. Не дым от печки. Что-то другое. Что-то тяжёлое. Сладковатое. Как будто кто-то жарил мясо, но забыл про него. И оно горит.

Он пошёл быстрее.

Потом он увидел.

Деревня была впереди. Или то, что от неё осталось. Дома стояли, но не все. Некоторые были просто чёрные пятна. Некоторые ещё дымились. Крыши провалились. Стены обуглились. Двери сорваны с петель. Они лежали на земле. Как будто кто-то выломал их и бросил. Просто так. Без причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.